Снова лето

Еще со взгорья, как штыки нацелясь,
Торчат сухие мертвые стволы.
И, словно зло оскаленная челюсть,
На мшистом склоне надолбы белы;

Еще землянок черные берлоги
Сухим быльем с краев занесены,
Зияют в чаще по краям дороги, -
Но этот лес - живой музей войны.

Уж на дрова разобраны завалы,
Природа нам союзницей была:
Она дождями гарь боев смывала,
На пепелище зелень привела.

И хутора спускаются в долину,
С угрюмым одиночеством простясь,
И жизнь полей становится единой,
И неразрывной будет эта связь.

Еще для слуха кажутся чужими
Названья сел, и путь меж ними нов, -
Но родины единственное имя
Встает как день над волнами холмов.

И люди здесь спешат трудом и словом
Запечатлеть во всем ее черты,
Уже навек сроднившись с краем новым
В сознании спокойной правоты.

Варвара Наумова, 1941 год

Снова лето

Еще со взгорья, как штыки нацелясь,
Торчат сухие мертвые стволы.
И, словно зло оскаленная челюсть,
На мшистом склоне надолбы белы;

Еще землянок черные берлоги
Сухим быльем с краев занесены,
Зияют в чаще по краям дороги, -
Но этот лес - живой музей войны.

Уж на дрова разобраны завалы,
Природа нам союзницей была:
Она дождями гарь боев смывала,
На пепелище зелень привела.

И хутора спускаются в долину,
С угрюмым одиночеством простясь,
И жизнь полей становится единой,
И неразрывной будет эта связь.

Еще для слуха кажутся чужими
Названья сел, и путь меж ними нов, -
Но родины единственное имя
Встает как день над волнами холмов.

И люди здесь спешат трудом и словом
Запечатлеть во всем ее черты,
Уже навек сроднившись с краем новым
В сознании спокойной правоты.

Варвара Наумова, 1941 год